
МУШКЕТЁРЫ

Нина Васильевна решила сварить на обед грибные щи: всегда любила их больше, чем мясные. К тому же начался Великий пост. Хотя, конечно, поститься Нина Васильевна не собиралась: здоровье не позволяет, несколько лет назад врачи обнаружили сахарный диабет. Ничего, рассудила она, Бог простит. И так приходится постоянно во всём себе отказывать: что-то врачи запрещают, на что-то пенсии не хватает.

Нина Васильевна, натужно кряхтя, нагнулась и достала из ящика под мойкой крупную морковь. Придирчиво оглядела её и принялась чистить ножом с коричневой облезлой ручкой. Репчатый лук и грибы (самые дешёвые — вешенки) она уже вымыла, нарезала и бросила на сковородку. В большой тарелке с отколотым краем ждала своего часа нашинкованная капуста. Мать говорила, что битая посуда в доме не к добру. Но как-то рука не поднималась взять и выкинуть целую тарелку из-за одного маленького скола.

Надо будет сходить в коридор за картошкой. Нина Васильевна хранила её во вместительном деревянном сундуке, который сколотил когда-то муж. Хоть за это ему спасибо. После смерти Леонида прошло уже больше десяти лет, но Нина Васильевна до сих пор продолжала мысленно его отчитывать. Что хорошего она видела за годы совместной жизни? Одевалась из экономии кое-как, машину они не купили, на дачу не накопили, на курортах не побывали. На базу отдыха три раза съездили — вот тебе и весь курорт. Ремонт Лёнька делал-делал, да так и недоделал: балкон рейкой обит только наполовину.

Одно хорошо — дочь вырастили. Да и то... Светка как уехала после института за своим драгоценным Витенькой в Краснодарский край, так носу к матери и не кажет. И раньше редко навещалась, а как Лёнька по-

мер, вовсе дорогу забыла. Только на праздники звонит. Отмечается.

Нина Васильевна раздражённо швырнула очищенную морковь на разделочную доску и принялась нарезать её неровными кружочками. Конечно, мать плохая! А то, что она сорок лет в школе, как на каторге? Учитель физики — это вам не дворник какой-нибудь. И не инженеришка на заводе вроде Лёньки. Не получается вернуться вечером с работы и все проблемы оставить за порогом. И тетрадки домой тащишь, и планы-конспекты, и проблемы с учениками. А ещё и приготовить надо, и постирать, и убрать, а после — опять за письменный стол. Где тут время найти на Светку!

Вот она вечно с папой да с папой любимым. Постоянно шептались о чём-то, секретничали. Потом он пить начал, и Нину Васильевну прямо колотило от злости. Смотреть на него, скотину, противно было. А Светка — «папуль, покушай» да «папуль, ляг, поспи»... Сюсюкалась с ним, как с дитём малым. Однажды, тварь неблагодарная, психанула да как выкрикнет матери в лицо: это из-за тебя, мол, папа спивается! Ты его заедаешь, жизни не даёшь! Нет, вы видели?! Нина Васильевна тогда аж дар речи потеряла от такой несправедливости.

Она резким движением вывалила оранжевую горстку моркови на сковороду, где уже скукожились и потемнели грибы и поджарился лук, быстро перемешала всё и накрыла крышкой. Отправила в кастрюлю капусту, вышла из кухни и двинулась в большую комнату.

Одно только и название — «большая». А на самом деле и эта комната, и вся квартирка крошечная и тесная. Нина Васильевна осторожно села на диван. Тот недовольно скрипнул и промялся под её немалым весом. Поправилась она в последние годы, что и говорить. Надо бы похудеть, но как-то недосуг. Нина Васильевна медленно обвела комнату рассеянным взглядом. Диван, пара кресел, журнальный столик с телефоном, облысевший ковёр, торшер на длинной ноге, телевизор на тумбочке да древняя полированная стенка — вот и всё богатство. Вроде и мало мебели, а такое чувство, что кругом заставлено, ходишь — на углы натыкаешься.

В комнате почти всегда сумрачно: Нина Васильевна привыкла задёргивать тёмные шторы, чтобы не любоваться свалкой на балконе. Она скидывала туда вещи, которые выкинуть жалко, а дома держать негде. Постепенно гора росла, и в результате на балкон стало почти невозможно выйти. Выстиранное бельё приходилось развешивать на верёвках в ванной. Нина Васильевна всё ждала, когда Светка приедет и разберёт эти завалы. Но дочь не ехала.

Переведя дух, Нина Васильевна направилась в коридор за картошкой, прихватив по пути потрёпанное пластиковое ведёрко. Вышла из квартиры, подошла к ларю, открыла его и принялась кидать в ведро разномастные бугристые клубни. Перед тем, как вернуться обратно в квартиру, покосилась на Анечкину дверь. Спит ещё, небось. До полуночи, наверное, книжки читала. Нина Васильевна покачала головой и скрылась у себя.

Если подумать, никого в жизни и не осталось, кроме Анечки Тумановой да Борьки Рябинина, который живёт в соседнем доме, на пятом этаже. Вот ведь как странно вышло...

Анечка, смеясь, называла их «три мушкетёра». Когда-то они учились в одном классе. Нина сидела за партой с Борькой, а Анечка — впереди, с Колей Демченко. Её уже тогда все называли только Анечкой, так она ею и осталась, хотя в шестьдесят четыре года это уже смешно. Анечка всю жизнь проработала в каком-то московском издательстве художником, разукрашивала детские книжки. «Тоже мне — работа», — фыркала про себя Нина Васильевна.

После окончания школы они потеряли друг друга из виду. Свела всех вместе, соединила Анечка, которая вновь поселилась в Казани около семи лет назад. Похоронила мужа, с которым жила в Москве, продала там свою квартиру и купила здесь, в родном городе. Удивительно, но ей повезло найти подходящее жильё в том самом доме, где когда-то она жила с родителями и братом Арсением! Она вообще всегда была везучая.

Квартира её родителей была ровнёхонько над квартирой Нины Васильевны. Все десять школьных лет Анечка поутру спускалась на Нинин второй этаж и ждала подружку на лестничной клетке. Она выходила, и

девочки отправлялись в школу, которая находилась в соседнем дворе. В этой самой школе Нина Васильевна, окончив пединститут, проработала до самой пенсии. Так и прошла вся жизнь в школьных стенах, здесь она сначала росла, потом старилась.

Сейчас в бывшей Анечкиной квартире живёт молодая семья с маленьким ребёнком. Нина Васильевна, счищая с картошки тонкую коричневую стружку, недовольно глянула наверх. Что за несносный мальчишка! Когда был младенцем, днём и ночью орал-надрывался, а теперь подрос, плакать перестал, зато принялся шумно играть, громко болтать и постоянно носиться по дому, стуча пятками. Нина Васильевна всякий раз, встречаясь с соседкой во дворе, строго выговаривала ей за сына учительским тоном. Та смущалась, оправдывалась, извинялась.

Когда Анечкины родители умерли, не в один день, конечно, но в один год, по очереди, квартира досталась Арсению. Анечка, в отличие от Нины Васильевны, выгодно вышла замуж за москвича, переехала к нему в столицу и добровольно отказалась от своей доли наследства. Легко быть добренькой, когда нет проблем с деньгами! Арсений квартиру родительскую продал и подался в ту же Москву, вслед за сестрой. Тоже женился там, сына родил, а потом раз — и попал под поезд. Из родни у Анечки остался только племянник, Сашка.

Вот скажите, стал бы нормальный человек менять столицу, где у неё, между прочим, единственный родственник имеется, на провинцию?! Но Анечка с детства была странная, чудная. Когда она появилась на пороге Нининой квартиры, та чуть в обморок не упала. Столько лет не виделись! Анечка на шею ей бросилась, давай обниматься, слёзы от счастья лить. И вроде всё такая же, как на выпускном. Нина Васильевна даже поморщилась от досады.

Сама-то она отяжелела, погрузнела. Раз в полгода делала на голове практичную «химию» в парикмахерской, где пенсионеров стригли и причёсывали со скидкой. Носила тёмные добротные костюмы, квадратные пальто, мохнатые кофты из колючей шерсти, а дома — пёстрые фланелевые или сатиновые халаты. По возрасту! А бывшая подруга Анечка стояла перед ней в брючном

костюме песочного цвета с легкомысленными васильково-бирюзовыми вставками. На шее — шифоновый лазоревый шарфик. В ушах — длинные серебряные серёжки с синими камушками. Стрижечка затейливая — волосок к волоску. Туфельки на каблукке. Фифа.

Нина Васильевна подумала, что это она в честь приезда так вырядилась. Но вскоре выяснилось, что Анечка постоянно что-то этакое на себя напяливает и волосы укладывает. Даже дома. И шарфиков этих у неё миллион, к каждой тряпке — свой, подходящий. А уж в квартире (которая, кстати, побольше, чем у Нины Васильевны) чего натворила! Денег-то, видать, от продажи московской квартиры о-го-го сколько осталось, вот и хватило на шикарный ремонт.

Но, вынуждена была признать Нина Васильевна, забегая к Анечке каждый день, дело вовсе не в дорожной плитке, натяжных потолках и гладких обоях с набивным рисунком. У Анечки всё диковинно. Две стены сама красками расписала, навроде фотообоев. Статуэтки какие-то, цветы в кадках, мебель светлая, коврики разные, картины... Борька, как пришёл, сказал, что в этом доме много воздуха и простора. Нина Васильевна губы поджала в ниточку и ничего не сказала.

Потому что воздуха — его везде одинаково. А эти двое вечно разговаривали так, что со стороны казалось: никого рядом с ними нет, одни на белом свете. Борька уж седой весь, а как Анечку снова увидел, спину стал держать и ботинки чистить. Смех, да и только!

Нина Васильевна помнила, как Анечка рыдала на её плече после выпускного вечера. Увидела, что Борька поцеловался с Ленкой Веригиной! Нина точно знала, что Ленка сама на Борьке повисла, он растерялся и не успел её оттолкнуть, а тут Анечка возьми да и приди! Нина могла бы об этом подруге рассказать, но... не стала. Зачем? Пускай разбираются! В сердечные дела вмешиваться — себе дороже. Борька сам виноват: бегал за Анечкой чуть не десять лет, а так ничего и не сказал, только смотрел, как телёнок. И Анечка хороша: тоже сохла по нему и молчала. Взяла бы да призналась! Нет же, гордая.

Она-то, Нина, чего только не делала, чтобы Борьке понравиться! Домашние задания списывать давала, на